

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И КАВКАЗ: ДИПЛОМАТИЯ, ИДЕОЛОГИЯ, КУЛЬТУРА

DOI 10.31250/2618-8619-2021-4(14)-8-18
УДК 327(091)

Светлана Алексеевна Асанова

Алмалыкский филиал Национального исследовательского технологического университета «МИСиС»
Алмалык, Республика Узбекистан
ORCID: 0000-0001-5368-6681
E-mail: asa_svetlana@mail.ru

Политическая риторика российско-кашгарских отношений в контексте дипломатической переписки (1870-е гг.)*

АННОТАЦИЯ. Рассматривается трансформация дипломатической переписки между чиновниками России и правителем государства Йэттишар Якуб-беком в период 1868–1877 гг., а также после смерти последнего с его наследниками. Не имея твердой внешнеполитической линии, он лавировал между Турцией, Россией и Англией. В этих условиях российская дипломатия вырабатывала особую форму ведения переговоров и деловой переписки, целью которых было продемонстрировать Якуб-беку выгоду дружеских связей с Россией. При этом в зависимости от политического контекста прослеживается изменение риторики официальной переписки. В качестве основного источника рассматривается хранящаяся в Национальном архиве Республики Узбекистан переписка туркестанского генерал-губернатора К. П. Кауфмана с Якуб-беком, Якуб-бека с императором Александром II, чиновников разных уровней как между собой, так и с Якуб-беком и его сыновьями. В частности, анализируются письма, хранящиеся в фондах И-1 «Канцелярия туркестанского генерал-губернатора» и И-276 «Канцелярия военного губернатора Ферганской области». В целом переписка анализируется как исторический источник российско-кашгарской практической дипломатии, отслеживается трансформация языковых приемов в зависимости от исторического контекста: до и после подписания торгового договора (1868–1872), в период решения пограничного вопроса (1876–1877) и после смерти Якуб-бека (1877–1881).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Йэттишар, переписка, туркестанский генерал-губернатор, правитель Кашгара, Якуб-бек, дипломатия

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Асанова С. А. Политическая риторика российско-кашгарских отношений в контексте дипломатической переписки (1870-е гг.). *Кунсткамера*. 2021. 4(14): 8–18. doi 10.31250/2618-8619-2021-4(14)-8-18

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.

CENTRAL ASIA AND THE CAUCASUS: DIPLOMACY, IDEOLOGY, CULTURE

Svetlana Asanova

“MISiS” National Research Technological University, Almalyk Branch
Almalyk, Uzbekistan
ORCID: 0000-0001-5368-6681
E-mail: asa_svetlana@mail.ru

Political Rhetorics of Russian-Kashgar Relations in the Context of Diplomatic Correspondence in the 1870s

ABSTRACT. The article discusses the transformation of diplomatic correspondence between Russian officials and Yakub-bek, the ruler of Yettishar, in 1868–1877, and also that with his heirs after his death. Lacking a firm foreign policy, Yakub-bek was maneuvering between Turkey, Russia, and England. Under these conditions, Russian diplomacy developed a special form of negotiation and diplomatic correspondence, so that Yakub-bek would realize the benefits of friendship with Russia. The rhetorics of official correspondence changed depending on the political context. The author draws on the correspondence between Turkestan Governor-General K. P. Kaufman and Yakub-bek of Yettishar, between Yakub-bek and the emperor Alexander II, and that of Russian officials of different levels, both among themselves and with Yakub-bek and his sons, the letters being stored in the National Archives of the Republic of Uzbekistan. The article analyzes letters from the storages I-1 “Kantseliariia turkestanskogo general-gubernatora” and I-276 “Kantseliariia voennogo gubernatora Ferganskoï oblasti”. The correspondence is considered as a historical source on the Russian-Kashgar practical diplomacy. The author traces the transformation of linguistic techniques depending on the historical context: before and after signing a trade agreement (1868–1872), during the period of solving the border issue (1876–1877), and after the death of Yakub-bek (1877–1881).

KEYWORDS: Yettishar, correspondence, Turkestan governor-general, ruler of Kashgar, Yakub-bek, diplomacy

FOR CITATION: Asanova S. Political Rhetorics of Russian-Kashgar Relations in the Context of Diplomatic Correspondence in the 1870s. *Kunstkamera*. 2021. 4(14): 8–18. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2021-4(14)-8-18

В 70-х годах XIX в. на территории Восточного Туркестана и Джунгарии (за исключением Илийского края) было образовано мусульманское государство Йэйтишар, правителем которого стал Магомет Якуб-бек. Не имея твердой внешнеполитической линии, он лавировал между Турцией, Россией и Англией. В этих условиях российская дипломатия вырабатывала особую форму ведения переговоров и деловой переписки, целью которых было продемонстрировать Якуб-беку выгоду дружеских связей с Россией.

С момента завоевания Кульджинского султаната (1871) и до завоевания Йэйтишара китайцами (1877) империя находилась в тесных сношениях с государством Якуб-бека. Нельзя утверждать, что именно этими двумя событиями ограничивались отношения Якуб-бека и его сыновей с российской политической элитой. Напротив, исторические источники и историографические материалы доказывают, что отношения развивались как до, так и после этих событий. В зависимости от политического контекста менялась и риторика официальной переписки.

Сегодня дипломатическая переписка активно используется в исторических исследованиях. В частности, к политической риторике в переписке между кашгарским правителем и туркестанской администрацией обращается в своих исследованиях ведущий российский специалист по Йэйтишару С. В. Моисеев (2003, 2016, 2019). Он ввел в научный оборот дипломатическую переписку, хранящуюся в Архиве внешней политики Российской империи, Российском государственном военно-историческом архиве, Центральном государственном архиве Республики Казахстан и Центральном государственном архиве Республики Узбекистан. Использование дипломатической переписки в исторических исследованиях привносит в работы колорит эпохи и помогает лучше понять трансформацию взаимоотношений между Российской империей и Кашгаром.

В коллективной монографии «Туркестан в имперской политике России» (2016) были опубликованы копии с писем Александра II, военного министра, управляющего министерством иностранных дел кашгарскому правителю Якуб-беку, а также Якуб-бека императору за 1873–1875 гг. Авторы раздела обращают внимание на то, что Якуб-бек свои запросы и конкретные просьбы отправлял на имя императора, адресаты же настойчиво отсылали его к фон Кауфману как полномочному представителю Российской империи.

Еще одна публикация письма К. П. Кауфмана Якуб-беку за 1875 г., которое не достигло адресата, была сделана В. Бухертом (2002). Позднее это письмо оказалось в личном фонде туркестанского генерал-губернатора Н. И. Гродекова, собиравшего материалы по истории завоевания Средней Азии.

Особый интерес для нашего исследования представляли работы М. Терентьева (1875) и В. Кулешова (1887). В них содержатся отсылки к письмам, приводятся конкретные цитаты из них, но сами источники не указаны.

Основным источником, анализируемым в исследовании, стала переписка туркестанского генерал-губернатора К. П. Кауфмана с правителем Йэйтишара Якуб-беком, Якуб-бека с императором Александром II, чиновников разных уровней как между собой, так и с Якуб-беком, с его сыновьями и посланниками. В частности, анализируются письма, хранящиеся в Национальном архиве Республики Узбекистан (НА РУз) в фондах И-1 «Канцелярия туркестанского генерал-губернатора» и И-276 «Канцелярия военного губернатора Ферганской области». В целом переписка рассматривается как исторический источник по российско-кашгарской практической дипломатии через трансформацию языковых приемов в зависимости от исторического контекста.

Начало дипломатической переписки между туркестанским генерал-губернатором фон Кауфманом и Якуб-беком относится к 1868 г., когда Якуб-бек во время войны с Бухарой заключил с ней соглашение об одновременном начале военных действий против России. Но военные успехи русских заставили Якуб-бека присмиреть, а между туркестанской администрацией и Якуб-беком актуализировались торговые вопросы, по которым последний не собирался идти на уступки. При этом на этапе складывания дипломатических отношений с Россией туркестанского генерал-губернатора он явно не воспринимал как полноправного представителя империи, допуская фамильяр-

ное отношение к нему, так как дипломатического этикета не придерживался, в письме обращался к Кауфману на «ты» и без обычных титулов. Вероятно, он рассматривал его исключительно как посредника в отношениях между собой и Александром II, которого именовал «Великим Царем», а землю его — «великой и обширной, полной учеными и мастерами». Но генерал Колпаковский указал Якуб-беку на несоблюдение в письме известных правил вежливости (Терентьев 1875: 140).

Нежелание Якуб-бека идти на компромисс в торговых делах обуславливалось им исключительно заботой о русском купечестве: «Наша-же земля в сравнении с вашей есть бедная развалина... теперь, после уничтожения власти Китая, в течение шести лет уничтожилось и все, что было дорогого китайского, которое ежедневно вывозилось, так что и признаков былого не осталось — вот причина почему не пропускались ваши богатые купцы, которые ничего бы здесь не нашли, кроме развалин» (Терентьев 1875: 141).

Осознавая отсутствие последовательности в действиях Якуб-бека, фон Кауфман, не заостряя внимание на неучтивости по отношению к себе, в ответном письме изложил свой взгляд на значение торговли вообще, независимо от богатства или бедности стран-участниц торговых отношений, а также высказал мнение о выгодности равноправных условий для обеих сторон, предложив подписать взаимные обязательства, аналогичные принятым в начале 1868 г. кокандским правительством. В ответном письме в апреле 1869 г. Якуб-бек обещал позаботиться о купцах с условием, чтобы русские отряды не переходили границу: «Для прохода караванов и купечества необходимо спокойствие и безопасность, а для этого нужно определить границу... затем уже пусть приезжают купцы хоть из России, хоть от других народов» (Терентьев 1875: 142).

Зная, что Якуб-бек не признавал никаких договоров с китайцами, генерал-губернатор постарался внушить ему уважение к договорам вообще и в письме от 12 сентября 1869 г. написал: «Вы пишете, что прежде всего для спокойствия и безопасности купцов и караванов необходимо определить границу между русскими владениями и землями, вами управляемыми. Вспомните, что граница эта еще 5 лет тому назад была установлена между Белым Царем и тогдашним законным владельцем Кашгарии Богдыханом. Хотя с тех пор, вследствие внутренних смут, Кашгария и перешла из-под владычества Китая в ваши руки, но это никаким образом не может влиять на утвержденную границу. Поэтому теперь не будет и речи между нами об изменении оной» (Терентьев 1875: 142–143). Кауфман предложил очертить границу и поставить знаки. Письмо туркестанского начальника осталось без ответа и без последствий. Условия не были приняты, и русские купцы продолжали встречать притеснения на кашгарской территории.

Сдержанность в ответах, подчеркнута уважительное и ровное отношение туркестанского генерал-губернатора к Якуб-беку можно объяснить влиянием последнего на мусульманское население региона. До принятия окончательного решения по завоеванию Кульджи следовало действовать осторожно, поскольку Якуб-бек мог объединить свою властью многочисленное единое население. Следствием этого могло стать создание нового мусульманского государства и возобновление волнений на российских окраинах (Асанова 2020: 66). Кроме того, у Якуб-бека были весьма прочные связи с англичанами, соперниками России по региону. Если русских купцов на территории Кашгара притесняли, то англичане получали там различные торговые льготы, поставляя взамен оружие и другие необходимые товары.

Когда же в июне 1871 г. русские войска завоевали Кульджу, а Якуб-бек был лишен возможности присоединить к своим владениям новые территории, туркестанский генерал-губернатор в письме директору Азиатского департамента написал: «После удачного, как кажется, похода на Урумчи, он на обратном пути остановился в Аксу и готовился к обороне в ожидании нашего прихода. Когда же он увидел, что мы, по занятии Кульджи, не двинулись дальше, он успокоился и теперь заговорил другим тоном» (Моисеев 2019: 76).

В этот исторический период перед русской администрацией стояла исключительная задача — установить отношения с Йэттишаром мирным путем, сконцентрировавшись на торговле. Обуславливалось это тем, что Якуб-беку симпатизировала большая часть мусульманского населе-

ния, а военной мощи на подавление возможного противостояния у России не имелось. В свою очередь, правителем Кашгара была предпринята попытка объединиться в антироссийский союз с Кокандом и Бухарой, вызвав тем самым возмущение туркестанского генерал-губернатора, который предупредил Якуб-бека о готовности применить против него военную силу. Он писал: «Остается, следовательно... способ, которого очевидно лучше достигнуть мирным путем, если то можно, и потому благоразумие требует испытать его всеми мерами и прибегнуть к оружию должно тогда, когда можно получить убеждение, что никакие другие меры, кроме войны, не могут дать желательных результатов» (Моисеев 2019: 77).

Начальник края также предложил кокандскому правителю Худояр-хану при «нравственной поддержке» Российской империи занять Кашгар (Фетисов 2020: 131), чем вызвал недовольство со стороны Якуб-бека, который ненавидел своего бывшего повелителя и не мог допустить мысли о том, что русское правительство может сноситься с Кашгаром через Кокандские владения. В своем письме Кауфману он написал: «Если вы хотите иметь со мною дело, то приходите через мою дверь, а не через чужую» (Кулешов 1887: 695).

Желая добиться от Якуб-бека заключения мирного договора, Кауфман отправляет в Кашгар своего посланника капитана Генерального штаба А. В. Каульбарса, который в 1870 г. совершил триумфальное посольство в Кульджу, с сопроводительным письмом, уже имевшим тон ультиматума: «...глава посольства, Генерального штаба капитан барон Каульбарс, передаст Вам мое желание вступить в прочные дружеские с Вами отношения, как с правителем Джитышара. У меня одна цель — жить в мире с соседями... Вам предстоит теперь выбирать одно из двух: мир или вражду» (Моисеев 2019: 77). Посланник Кауфмана должен был внушить Якуб-беку мысль о том, что «...не Россия в нем нуждается, а он в России, принятием и утверждением предлагаемых ему условий о свободной торговле он вступает на единственный путь, ведущий к дружбе с Россией, помимо принятия этих условий не может быть и речи о дружбе» (Моисеев 2019: 78).

Якуб-бек, озабоченный резкими высказываниями туркестанского генерал-губернатора, а также безальтернативностью условий торгового договора, озвученного Каульбарсом, вынужден был пойти на уступки. В ответ он попытался увязать подписание торгового договора с отправкой своего посольства в Петербург к императору: «Обещайте мне, что мой посланник теперь поедет с Вами в Ташкент, а оттуда к Великому Ак Баше, тогда генерал-губернатор и Ак Баша будут судить обо мне по словам моего собственного человека» (Моисеев 2019: 78).

Несомненно, подписание торгового договора России с Йэттишаром стало успехом российской дипломатии. Но, несмотря на юридическое признание торговых отношений с Россией, Якуб-бек не отказывался от мысли заключить договор с Британией. Он отправил послание к англичанам в Индию, в котором писал, что русские завоевали Среднюю Азию, и только Кашгар представляет стену, отделяющую русских от Индии: «Если вода промоет эту стену, то пойдет дальше, поэтому надо поддержать и укрепить стену, чтобы не пропустить воды». Далее он предлагал прислать в Кашгар британскую миссию для переговоров. В 1873 г. в Кашгар из Индии прибыла военно-политическая экспедиция Томаса Дугласа Форсайта, результат которой, возможно, превзошел успех Каульбарса. Был заключен торговый договор, предусматривающий открытие при дворе Якуб-бека должности британского специального представителя и пост кашгарского резидента в Калькутте. Все это усилило позиции Великобритании близ среднеазиатских владений (Фетисов 2020: 135–136). Русские купцы по-прежнему испытывали притеснения в Кашгаре.

Опасаясь реакции российских властей на открытое игнорирование условий заключенного торгового договора, Якуб-бек в апреле 1873 г. через своего посланника Муллу-Тураб-Ходжу направляет письмо на имя императора, в котором отмечает, что год назад генерал-губернатор Туркестана генерал-адъютант фон Кауфман прислал к нему своего офицера Каульбарса с письмом. Предлагал заключить с Россией торговый договор в пяти пунктах для свободного движения торговых людей и наблюдения за их безопасностью. При этом он не забыл отметить, что ему было указано, что принятием этих пунктов Якуб-бек доказывал свою преданность государю императо-

ру, а неприятием выражал враждебные чувства к русскому государству, явно подчеркивая тем самым ультимативность высказываний генерал-губернатора Кауфмана и озвучивая свое стремление к общению с императором без посредников. Письмо Якуб-бека изобиловало метафорами и выражало явное желание в дальнейшем вести политический диалог напрямую с Александром II:

Да будет известно Вашему Величеству, что хотя с давних пор и по сей день я одушевлен дружелюбными чувствами к могущественной России и всегда известен был в краях наших действиями своими по отношению к людям ей враждебным и недоброжелательным и желанием возвысить здание наших соседских отношений выше самого Зат-ель-Имада¹ и сделать его прочнее крепостных твердынь, но пока Ваше императорское Величество не удостоили обратить великодушное внимание на вашего нижайшего соседа, я не осмеливался вымолвить слова дружбы для того, чтобы привлечь к себе луч солнца (внимания Вашего) и удостоится капли моря (Вашей благосклонности) и вместе с тем не находил и предлага осуществить мое желание — отправить посланника к Вашему могущественному Престолу... Так как я никогда не имел в душе неприязни к России, а, напротив, одушевлен к ней единодушием и дружелюбием, я радостно и со всеми знаками уважения и ласки принял посланного, скрепил своею подписью и печатью пять упомянутых пунктов договора и, упрочив тем основы дружеских между странами нашими сношений, отправил вместе с тем и человека моего. Но сей последний возвратился, не имея, по тогдашним обстоятельствам, возможности предстать пред Высочайшим престолом Вашим. Ныне, для засвидетельствования Вашему Величеству моей приязни и преданности, любви и единодушия, отправил я вновь доверенного моего Мулла-Тураб-Ходжу в качестве посланника к Вашему, Великий Государь, Высочайшему престолу. Уповаю, что никакая сила всесокрушающего времени и превратных обстоятельств не разорвет нити пяти пунктов упомянутого договора. Люди, пользующиеся выгодами согласия с могущественною Русскою Державою, приобретут себе всеобщую известность и будут служить примером для других. Конечно, Великой Державе приличествует являть великодушие к малым соседям; малый же сосед для упрочения своего существования, должен стараться приобрести благорасположение могущественного монарха (НА РУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 213. Л. 1–2 об.).

В ответном письме Александр II был более сдержан, но отметил, что «с удовольствием усмотрел из содержания письма чувства приязни и преданности», которые испытывает Якуб-бек к нему лично и к России в целом. Так же им было отмечено, что «старания Ваши содействовать свободному и безопасному движению русской торговли послужат к развитию отношений, вполне удовлетворительных. В этом смысле даны мною указания и полномочия туркестанскому генерал-губернатору, моему генерал-адъютанту фон-Кауфману, к которому вы можете обращаться по всем делам, касающимся к обоюдной пользе» (НА РУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 213. Л. 3).

Таким образом, засвидетельствовав свое почтение Якуб-беку, Александр II в то же время дает ему понять, что вопросы, связанные с российско-кашгарскими отношениями необходимо решать непосредственно с туркестанским представителем, а не обращаться к императору лично. Такое дистанцирование, вероятнее всего, было вызвано тем, что Россия официально не признавала Йэттишар независимым государством, соответственно вести переговоры с самопровозглашенным правителем считалось неуместным. Кроме того, российское правительство старалось придерживаться дружественных отношений с Китаем, а любые сношения с Йэттишаром могли усугубить и без того непростую политическую ситуацию.

Вероятно, письмо венценосной особы вполне удовлетворило амбиции Якуб-бека, так как с этого момента он начал выражать различные знаки внимания туркестанскому генерал-губерна-

¹ Зат-ель-Имад (*Ирам зат ал-имад* — Ирам многоколонный) — город, выстроенный царем 'адитов Шаддадом, прославленный своим великолепием. Упоминается в Коране (89:6–14). Проводя аналогию двусторонних отношений с древним сооружением, возведенным из драгоценных металлов и камней и уничтоженным аллахом, Якуб-бек, вероятно, имел ввиду что эти отношения будут прочнее и нерушимее мифического города.

тору и извещать его о своих делах и передвижениях, особенно после 1875 г., когда русские войска, ликвидировав Кокандское ханство, вплотную приблизились к границам Кашгара. Тогда же начался новый виток российско-кашгарской политической риторики, основной акцент которой был вновь сосредоточен на разграничении территории двух государств. Кроме того, активизировалось влияние Китая в регионе, и это, скорее всего, внушало опасение Якуб-беку, и он не предпринимал никаких резких выпадов в сторону России, боясь потерять формального союзника. Это отчетливо прослеживается в письме Якуб-бека Кауфману за 1876 г.

В настоящее время дунгане сошли с того пути, и злые поступки их перешли за всякую меру, они по-прежнему принялись грабить китайцев. Почему Всемогущий творец и даровал последним победу над дунганями, которых за все их злодеяния, постигла кара и возмездие. Китайцы покорили своей власти Урумчи с окрестностями, до того места, до которого я дошел и где я остановился.

Вследствие милости, виденной нами от соседства с Великою державою Его Величества Государя Императора и дружбы Вашего Высокопревосходительства, мы считали необходимым сообщить Вам сведения о положении дел, подробности о которых Вы, вероятно, слышали и от других. Надеюсь, вследствие моего обзора действия на доброжелательство Великой Державы, и надеюсь также, что расположение Ваше ко мне, любезный друг, не уменьшится.

По дружбе отправил к Вашему высокопревосходительству после прочтения молитвы праздника Рамазана, доверенного и преданного мне Мурад-Бия-Дадху, дабы он передал Вам мой привет, и, удостоверившись в вашем здравии и благополучии, донес мне о том по возвращении (НА РУз. Ф. И-1. Оп. 29. Д. 167. Л. 6–7).

В своих письмах Кауфман настаивает на том, что «искреннюю дружбу» между Кашгаром и «могущественной Россией» можно скрепить, развить и поддержать установлением новой пограничной черты. При этом он указывает:

Желательно было бы, чтобы новая пограничная черта между нашими пограничными владениями и Кашгаром дала бы нам возможность держать в постоянном и полном повиновении киргизов, населяющих горную полосу Ферганской области, не позволяя им вторгаться в наши владения, а также уклоняться от справедливой кары наших властей (НА РУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 213. Л. 11 об.).

Что же касается меня. То я привык видеть в Вашем Высочестве доброго и хорошего соседа, и надеюсь, что соразмерно с увеличением притяжений общих наших границ, по присоединении бывшего Кокандского ханства к империи, и дружественные соседские сношения наши еще более разовьются и укрепятся (НА РУз. Ф. И-1. Оп. 29. Д. 167. Л. 11–11 об.).

Вызывает сомнение точка зрения некоторых авторов, согласно которой отраженная в документах переписка продолжалась до 1876 г., т. е. до ликвидации Кокандского ханства, и что с этого момента взаимоотношения Якуб-бека и России сильно испортились, поскольку правитель Кашгара рассматривал Коканд как территорию своего влияния (Туркестан в имперской политике... 2016: 62). Есть две причины для возражений: во-первых, переписка между туркестанским генерал-губернатором и правителем Кашгара продолжалась вплоть до смерти Якуб-бека. Последнее письмо, написанное Кауфманом кашгарскому правителю, датировано 31 мая 1877 г., т. е. днем смерти последнего. Во-вторых, именно со второй половины 1876 г. Кауфман ведет переписку с Якуб-беком довольно мягко, пытаясь снять любые его сомнения в отношении российской стороны. Когда генерал-губернатор получил письмо знаменитого русского путешественника по Центральной Азии Н. Пржевальского, в котором тот указывал, что Якуб-бек огорчен слухами о том, что русские не только поставляют хлеб китайцам, но и в рядах китайских войск находится значительное количество русских офицеров, Кауфман распорядился написать письмо Якуб-беку и еще раз объяснить ему, какую помощь китайцам оказывала Россия, «и просить его не верить слухам», которые рас-

пространены об участии русских в делах китайцев, а также подчеркнуть, что дружба Якуб-бека оценена вполне (НА РУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 213. Л. 14–15). Возможно, это был первый раз, когда Кауфман «просил» Якуб-бека, а не требовал. И причина этого, вероятно, крылась в сложных отношениях самой России с Китаем по поводу Кульджи.

К началу 1877 г. правитель Йэттишара утратил уже всякое стремление к сопротивлению, и это отчетливо прослеживается в письме Якуб-бека, в котором он именуется Кауфмана «дружественным и единомысленным» генерал-губернатором, выражает надежду «на укрепление доверия обеих сторон», но и полагается на самостоятельно принятые им шаги в укреплении взаимной дружбы. В целом в письме Якуб-бека проскальзывает некая обреченность:

При определении границ посланник упомянул и назначил урочища Улугчат и Суек. Таким указанием любезного друга нашего, мы остались довольны, и дружба наша увеличилась.

Живя по соседству с любезным другом, мы откровенно и чистосердечно пеклись о благе обеих сторон, и стремились к достижению расположения Его Величества Государя Императора и Великого Государства Российского; мы тоже всегда старались о спокойствии и благоденствии наших подданных. Мы надеемся, что и от Вас также увидим милость и человеколюбие...

Вы сами, впрочем, глубоким своим умом, лучше рассудите, как устроить дела ко всеобщему благу, и мы просим Ваше Высокопревосходительство оказать нам добро и человеколюбие (НА РУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 213. Л. 20–21).

Последнее письмо, написанное генерал-губернатором Кауфманом Якуб-беку 31 мая 1877 г., не достигло адресата, по трагическому стечению обстоятельств скончавшегося в тот день. В своем послании туркестанский генерал-губернатор отмечал, что постарается оправдать доверие кашгарского правителя, выражал надежду, что тот останется доволен решением пограничного вопроса, который должен быть рассмотрен основательно и справедливо. Там же он отмечал:

Было бы желательно так провести границу, чтобы местные кочевые жители имели свои зимовки и летовки в одном и том же государстве; это-то и составило предмет моего изучения для возможно правильного и справедливого решения вопроса о границе. Самым простым разрешением его казалось бы возобновление прежней кокандской границы и включение в наши владения всей горной полосы, составлявшей прежде часть Кокандской территории. <...>

Принимая, однако, во внимание установившиеся между Россией и Кашгаром искренно-дружеские отношения, и не желая лишать Ваше Высокопостепенство местностей над устройством и укреплением которых Вы трудились на протяжении 13 лет, а также не желая воспользоваться Вашим ко мне доверием, ибо ни Вам, ни России лишние земли не нужно, они скорее составляют бремя, чем благо для государства, я нашел возможным оставить укрепление Улугчат в Ваших владениях и под Вашею Властью, границу же я назначил согласно прилагаемому при сем чертежу по следующему направлению, как мне кажется, для обеих сторон (НА РУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 213. Л. 17–19).

Анализ дипломатической переписки периода 1871–1877 гг. свидетельствует: несмотря на то что юридически государство Йэттишар не было признано Россией, тем не менее начальник Туркестанского края, император, военный министр Милютин, управляющий министерства иностранных дел обращались к Якуб-беку не иначе, как «Высокопостепенный Бадоулет». Это фактически являлось косвенным признанием его положения в Кашгаре и буквально означало «хан (эмир) Йэттишара Бадоулет (Счастливец)». Не исключено, что такое обращение было исключительно знаком вежливости, равно как пожелание благополучия, здоровья и счастья в конце писем. А вот использование туркестанской администрацией в письмах летоисчисления по хиджре демонстрировало явное уважение к культурной и религиозной идентичности собеседника. Вплоть до второй половины 1876 г. российская администрация в письмах кратка, лаконична, сдержанна, метафори-

ческая образность в переписке отсутствовала. Композиция писем зачастую сводилась к усилению речи гиперболами и не подразумевала возражения. В письмах Якуб-бека преобладали образные метафоры, они выразительны, образны, и, по признанию самого Кауфмана, правитель Кашгара «довольно многословный» (НА РУз. Ф. И-1. Оп. 29. Д. 139. Л. 4).

Смерть правителя Йэттишара перевела на новый уровень и российско-кашгарскую дипломатическую риторику. Завязавшаяся между наследниками кашгарского правителя братоубийственная война окончилась победой старшего сына Якуб-бека Бек-Кули-бека. Он обратился к туркестанскому генерал-губернатору с просьбой оповестить об этом событии императора, что и было исполнено, но с указанием на то, что бывшие союзники Кашгара терпят поражение от российского оружия. В письме Кауфмана явно виделся подтекст, указывающий на непрочный статус Йэттишара:

Вы изволили просить меня довести до сведения Государя Императора о смерти Бадаулета и о вступлении Вашем на престол Кашгарский... уверен, что Августейший Повелитель Мой одобрит и оценит высказанное Вами желание к поддержанию и продолжению добрых отношений к могущественной Российской империи.

Великий Белый Царь находится в настоящее время в пределах Турецкой империи, где славные и победоносные войска его заняли уже много городов и побили большое число неприятелей. С Божьей помощью и эта война окончится полным поражением врагов и противников России.

По обычаю доброго соседства, я сообщил Вам о вышеизложенном, причем желаю всякого благополучия и счастья (НА РУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 213. Л. 16).

Переписка между Бек-Кули-беком и фон Кауфманом началась еще в декабре 1876 г. во время посольства капитана Куропаткина в Кашгар. Туркестанский генерал-губернатор тогда выражал надежду, что дружба с Якуб-беком «дает мне право думать, что и сын, как верный исполнитель воли своего родителя, постоянно будет следовать его указаниям, клонящимся к поддержанию между нами добрых и дружеских отношений» (НА РУз. Ф. И-1. Оп. 29. Д. 167. Л. 15–16). Через него же Кауфман пытался решить некоторые денежные вопросы русских подданных, связанные с разными лицами, проживавшими в Кашгаре.

Политические события 1877 г. сложились таким образом, что после смерти Якуб-бека большинство его прямых наследников, а также жены и многочисленные дети бежали в пределы Туркестанского края, кто от гнета китайцев, кто от Бек-Кули-бека. Практически все они оказались под покровительством генерал-губернатора и на его содержании. В конце 1877 г. в Ташкент из Кашгара бежал и сам Бек-Кули-бек, а государство Йэттишар под натиском китайцев перестало существовать.

С этого момента и вплоть до 1881 г. переписка генерал-губернатора с наследниками кашгарского правителя представляет собой в буквальном смысле канцелярское делопроизводство. Нескончаемый поток просьб, жалоб, требований по решению наследственных и имущественных вопросов стали основной темой в переписке с наследниками Якуб-бека. Если в начале 1878 г. к Кауфману еще обращаются «с всенейжайшей просьбой» как к «Ярым Падишаху» и он «просит переговорить с Бек-Кули-беком», пытаясь урегулировать имущественные вопросы (НА РУз. Ф. И-1. Оп. 29. Д. 337. Л. 1–1 об.), то к 1881 г. ситуация кардинально изменилась. Письма наследников становятся фамильярны: «Третий раз утруждаю особу вашего превосходительства просьбою», — а ответы не менее категоричны: «не могу вмешиваться в семейные разборки двух братьев» (НА РУз. Ф. И-1. Оп. 29. Д. 465. Л. 1–1 об.), «Бек-Кули-бек был государь, а Хайдар-Кули-Бек подданный его, и потому русским властям не приходится входить в разбирательство дела государя с подданным» (НА РУз. Ф. И-1. Оп. 29. Д. 465. Л. 16–16 об.).

Только два наследника Якуб-бека находились под особым покровительством Кауфмана: старший сын Якуб-Бека Бек-Кули-бек и Хаким-хан-тюря, потомок святого Хазрат Аппак Ходжи,

покровителя Кашгара. Первый стремился пробиться к власти и влиянию, но оказался слишком нечестным и чересчур неумелым интриганом, второй был слишком слабохарактерным, чтобы возглавить какое-либо движение (Петровский 2010: 13), но именно он дважды пытался занять Кашгар, прогнав оттуда китайцев. Несмотря на бесконечные интриги Бек-Кули-бека, Кауфман в переписке с остальными наследниками Якуб-бека указывал на него как на единственного законного претендента на Кашгар.

С Хаким-ханом-тюря ситуация была иная. Несмотря на то что он потерпел поражение от старшего сына Якуб-бека, именно он пользовался большей поддержкой мусульманского населения в Кашгаре. Даже когда при очередной попытке отнять у китайцев власть осенью 1879 г. он объявил им газават, чиновники попытались сгладить ситуацию:

Достопочтенный Хаким-хан-тюря! Если русское правительство не могло одобрить того народного движения, какое было возбуждено Вами во владениях Белого Царя объявлением газавата противу государства издавна находящегося с нашим государством в дружбе, то тем не менее никому и в голову не приходило считать Вас преступником только за то, что Вы задумали возратить престол Ваших предков, хотя бы несбыточность предприятия и была ясна каждому. Русское правительство, не имевшее никакой возможности помочь Вам в Вашем деле, конечно, не откажет Вам в гостеприимстве, в котором не отказывает даже и людям открыто враждовавшим против России. Могу уверить Вас, что зла Вам не сделают. <...> Примите уверение в совершенном моем почтении (НА РУз. Ф. И-276. Оп. 1. Д. 326. Л. 45).

Таким образом, переписка государственных чиновников с наследниками Якуб-бека в период 1878–1881 гг. свидетельствует, что каждому из них могло отводиться особое место в российско-кашгарских и российско-китайских отношениях. Большая же часть наследников осталась без покровительства, им была предоставлена единственная привилегия — возможность проживать в пределах Туркестанского края. И только двое из них в полной мере пользовались защитой начальника края — Бек-Кули-бек как легитимный, а Хаким-хан-тюря как авторитетный наследник, используя которого можно было попытаться вытеснить китайцев из Кашгара, а в случае успеха иметь по соседству покорное государство, правитель которого будет верен интересам России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

НА РУз. Ф. И-1. Оп. 29. Д. 167 — Переписка с владельцем Кашгара Мухаммед Якуб-беком о командировании владельцев Машгара посланца Мухамед-мурад-бек-дедха в Ташкент, и о столкновении дунган с китайцами и взятие последними местности Урумчи, и о денежных претензиях. 1876.

НА РУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 213. Копии писем Якуб-бека Александру II, генерал-губернатору, а также генерал-губернатора Якуб-беку. 1873–1877.

НА РУз. Ф. И-276. Оп. 1. Д. 326. О бегстве из Ферганской области в кашгарские пределы Хаким-хан-тюри. 1878–1879.

НА РУз. Ф. И-1. Оп. 29. Д. 139. Об оказании содействия международному съезду ориенталистов в Петербурге и о выборе среднеазиатских деятелей в почетные члены съезда. 1876 г.

НА РУз. Ф. И-1. Оп. 29. Д. 337. О взыскании женою бывшего владельца Кашгара Якуб-бека вознаграждения за имущество. 1878.

НА РУз. Ф. И-1. Оп. 29. Д. 465. О разделе наследства бывшего кашгарского хана Бадаулета Якуб-бека. 1881.

Асанова С. А. Смыслы российского присутствия в Центральной Азии на примере Кульджи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Религиоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 5. С. 64–76. doi: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.6>.

Бухерт В. «Война была ведена с нашей стороны с крайней жестокостью»: из истории присоединения Средней Азии к Российской империи // Источник. Документы русской истории. 2002. № 3 (57). С. 57–61.

Кулешов В. Русское посольство в Кашгар в 1875 году // Исторический вестник. 1887. № 12. С. 695–709.

- Моисеев В. С. Взаимоотношения России и уйгурского государства Йэйтишар в 1864–1877 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2003.
- Моисеев В. С. Военно-дипломатическая миссия А. Н. Куропаткина в Йэйтишаре в 1876–1877 гг. // Мир политики и социологии. 2016. № 12. С. 85–105.
- Моисеев В. С. Причины и последствия заключения русско-кашгарского торгового договора 1872 г. // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2019. № 6 (110). С. 75–80.
- Петровский Н. Ф. Туркестанские письма / отв. ред. акад. В. С. Мясников, сост. В. Г. Бухерт. М.: Памятники исторической мысли, 2010.
- Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: тип. П. П. Меркульева, 1875. С. 132–197.
- Туркестан в имперской политике России: монография в документах / отв. ред. Т. В. Котюкова. М.: Кучково поле, 2016.
- Фетисов В. Дуэль на крыше мира. Эпизоды большой игры. Ташкент: Akademnashr, 2020.

REFERENCES

- Asanova S. A. Smysly rossiiskogo prisutstviia v Tsentral'noi Azii na primere Kul'dzhi [Meanings of the Russian Presence in Central Asia (The Case of of Kuldja)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4: Istorii. Religiovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia*, 2020, no. 5 (25), pp. 64–76. (In Russian)
- Bukhert V. “Voina byla vedena s nashei storony s krainei zhestokost'iu”. Iz istorii prisoedineniia Srednei Azii k Rossiiskoi imperii [“The War Was Fought on Our Side with Extreme Cruelty”. From the History of the Accession of Central Asia to the Russian Empire]. *Istochnik. Dokumenty russkoi istorii*, 2002, no. 3 (57), pp. 57–61. (In Russian)
- Fetisov V. *Duel' na kryshe mira. Epizody bol'shoi igry* [A Duel on the Roof of the World. Episodes of the Big Game]. Tashkent: Akademnashr, 2020. (In Russian)
- Moiseev V. S. *Vzaimootnosheniia Rossii i Uigurskogo Gosudarstva Iettishar v 1864—1877 gg.* [Relations Between Russia and the Uyghur State of Yettishar in 1864–1877]. PhD diss., Barnaul'skii Gosudarstvennyi Pedagogicheskii Universitet, 2003. (In Russian)
- Moiseev V. S. Voенно-diplomaticheskaya missiya A. N. Kuropatkina v Iettishare v 1876—1877 gg. [Military-Diplomatic Mission A. N. Kuropatkin in Yettishar in 1876–1877]. *Mir politiki i sotsiologii*, 2016, no. 12, pp. 85–105. (In Russian)
- Moiseev V. S. Prichiny i posledstviia zakliucheniia russko-kashgarskogo torgovogo dogovora 1872 g. [The Reasons and Consequences of Concluding the Russian-Kashgar Trade Agreement in 1872]. *Izvestiia Altaiskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Istoricheskie nauki i arkhologiiia*, 2019, no. 6 (110), pp. 75–80. (In Russian)
- Petrovskii N. F. *Turkestanskii pis'ma* [Turkestan Letters]. Ed. by V. S. Myasnikov, Sostavitel' V. G. Bukhert. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2010. (In Russian)
- Turkestan v imperskoi politike Rossii: Monografiia v dokumentakh* [Turkestan in the Imperial Politics of Russia: A Monograph in Documents]. Ed. by T. V. Kotyukova. Moscow: Kuchkovo pole, 2016. (In Russian)

Submitted: 15.05.2021

Accepted: 23.09.2021

Published: 15.12.2021